

В. Г. Белинский

Опыт истории русской литературы



Виссарион Белинский

Опыт истории русской литературы

«Public Domain»

1845

Белинский В. Г.

Опыт истории русской литературы / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1845

Небольшая книжка, послужившая поводом для статьи, заключала лишь общее введение к курсу истории русской литературы, который А. В. Никитенко читал в Петербургском университете. То соглашаясь, то споря с общими положениями, выдвинутыми Никитенко в этом введении, Белинский изложил систематически свои взгляды на задачи изучения литературы. Центральное место заняло в статье определение объема самого понятия «литература», выяснение отношений между искусством (поэзией) и наукой, значения для развития литературы, науки и общества так называемой «беллетристики» и прессы.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Опыт истории русской литературы

*Сочинение э<кстраординарного> профессора императорского
Санкт-Петербургского университета, доктора философии А.
Никитенко. Книга первая. Введение. Санкт-Петербург. 1845,*

Давно чувствуется всеми настоящая потребность в истории русской литературы. Впрочем, в последнее время обнаружались некоторые признаки, по которым можно судить, что уже предпринята не одна попытка к удовлетворению этой потребности. Еще в 1839 году г. Максимович издал первую часть своей «Истории древней русской словесности»; когда выйдет вторая часть, и выйдет ли она когда-нибудь, — нам не известно, и потому эта попытка доселе остается попыткой, не перешедшею в дело^[1]. Вышедшая теперь в свет первая часть «Опыта истории русской литературы» г. Никитенко была упреждена многочисленными чтениями г. Шевырева в «Москвитянине»^[2], касающимися до истории древней, преимущественно теологической, русской словесности и предвещающими появление полной истории всей русской литературы. К этому мы можем присовокупить, что готовится и еще сочинение по тому же предмету, под именем «Критической истории русской литературы» (преимущественно новой, с обзором, в виде введения, произведений народной поэзии); впрочем, мы ничего не можем сказать положительного о времени выхода этого сочинения^[3]. Во всяком случае, нельзя не желать, чтоб все эти сочинения вышли как можно скорее, вполне оконченные: каковы бы ни были их направления и степень достоинства, — они не могут не способствовать довольно сильно движению общественного сознания в столь важном предмете, как отечественная литература. И чем различнее и противоположнее в своих взглядах и направлениях будут все эти сочинения, тем больше принесут они пользы.

Есть три способа знакомиться с литературою и изучать ее. Первый — чисто критический, который состоит в критическом разборе каждого замечательного писателя; второй — чисто исторический, который состоит в обозрении хода и развития всей литературы: здесь обращается больше внимания на эпохи и на школы литературы, чем на отдельные действующие лица. Третий способ состоит в соединении, по возможности, обоих первых. Этот способ самый лучший. Во всяком случае, влияние и важность критики не подвергаются никакому сомнению. Первым критиком и, следовательно, основателем критики в русской литературе был Карамзин^[4]. Самая замечательная его критическая статья была «О Богдановиче и его сочинениях»; к числу критических же его статей должно отнести и статью «Пантеон российских авторов», в которой он сообщает краткие известия, не чуждаясь местами критического взгляда, о старинных писателях — Несторе, Никоне, Матвееве (Артемоне Сергеевиче), царевне Софии, Симеоне Полоцком, Дмитрие Туптале, Феофане Прокоповиче, князе Хилкове, князе Кантемире, Татищеве, Климовском, Буслаеве, Тредиаковском, Сильвестре Кулябке, Крашенинникове, Баркове, Гедоне, Димитрии Сеченове, Ломоносове, Сумарокове, Федоре Эмине, Майкове, Поповском, Попове. Не говорим о множестве мелких рецензий Карамзина в его «Московском журнале» и «Вестнике Европы» — рецензий, которыми он так много способствовал к очищению и утверждению вкуса публики^[5]. — Кроме Карамзина как критик заслуживает почетного упоминания современник его, Макаров, из критических статей которого особенно замечательны: «Сочинения и переводы Ивана Дмитриева» и «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». Они были напечатаны в его журнале «Московский Меркурий», который он издавал в 1803 году^[6]. — Через несколько лет Жуковский написал две критические статьи — о сатирах Кантемира и баснях Крылова^[7]. — Батюшков разобрал сочинения Муравьева (М. Н.) и писал об «Освобожденном Иерусалиме» Тасса и сонетах Петрарки^[8]. — Князь Вяземский должен быть упомянут как один из первых критиков эпохи русской литературы до— двадцатых

годов: он написал «О жизни и сочинениях Озерова»^[9], «О Державине» (по случаю смерти великого поэта; статья эта напечатана в «Вестнике Европы» 1816 года, № 15) и другие критические статьи, в свое время очень замечательные. – Но критиком по ремеслу, критиком *ex officio*¹, во второе десятилетие настоящего века был Мерзляков, писавший в особенности о Сумарокове и Хераскове. В то же время Мерзляков был и теоретиком поэзии как искусства^[10]. – В начале двадцатых годов критики начали размножаться, и в альманачных *обозрениях литературы* за тот или другой год видны попытки делать очерки истории русской литературы^[11]. Представителями этой критики, поверхностной, безотчетной, но беспокойной и горячей, ратовавшей за так называемый романтизм против так называемого классицизма, – критики, распространившей много поверхностных и неосновательных мыслей, но и принесшей большую пользу сближением литературы с жизнью, – представителями этой критики были Марлинский и г. Полевой. Последний около десяти лет был главным органом русской критики через свой журнал – «Московский телеграф»^[12]. Потом, в 1839 году, он издал, под именем «Очерков русской литературы», свои важнейшие критические статьи в двух томах: в них он показал крайние пределы, до которых могла доходить наша так называемая романтическая критика, – равно как и собственная его критическая тенденция. В самом деле, еще до выхода этих двух томов г. Полевой уже отстал от самого себя и начал издавать такие произведения, которые еще так недавно и так жестоко преследовала его критика и в принципе и в исполнении. Поэтому на его «Очерки русской литературы» можно смотреть, как на памятник, сооруженный автором своей критической славе. – Г-н Шевырев вышел на поприще критики вскоре после г. Полевого. До тридцатых годов характер и направление его критики носили отпечаток знакомства с немецкими эстетиками и вообще с немецкою литературою. В критике его заметно было присутствие чего-то похожего на принцип, и потому в ней меньше было произвольных мнений, чем в критике г. Полевого; но со стороны таланта г. Шевырев далеко уступал г. Полевому, – и потому последний имел большое влияние на современную ему литературу, а первый не имел на нее почти никакого влияния^[13]. С тридцатых годов критика г. Шевырева приняла какое-то *quasi*²-итальянское направление; по крайней мере он беспрестанно, и кстати и некстати, толковал о Данте, Петрарке и Тассе, говоря о русских писателях. Это, вероятно, было следствием его пребывания в Италии^[14]. В эту-то итальянскую эпоху своей критики г. Шевырев, во-первых, напечатал знаменитое свое стихотворение, названное им «Чтение Данта» и начинающееся этим *бессмертным* стихом:

Что в море купаться, то Данта читать!^[15]

во-вторых, учинил два бесценные критические открытия касательно русской литературы: первое сделано им по поводу разбора «Трех повестей» Н. Павлова, и мы передаем его, это открытие, словами самого изобретателя, г. Шевырева:

Жизнь есть какое-то складное бюро, со множеством ящичков, между которыми есть один глубокий, тайный ящик с пружиной. Все повествователи шарят в этом бюро, но не всякому известна пружина закрытого ящика. В нем-то лежит тайна повести истинной, повести глубокой. Автор повестей, мною разбираемых, нашел путь к этому секрету; он открыл в нем маленький уголок; но этот ящик чрезвычайно сложен. В нем так много пружин и пружинок. Есть надежда, что и те он откроет со временем, после такого прекрасного начала; но есть святое место этого ящика, которое надо непременно заранее открыть всякому повествователю, но которое наш автор только что вскрыл

¹ по должности (*лат.*). – *Ред.*

² мнимо (*лат.*). – *Ред.*

слегка, коснулся одной его поверхности. В этом ящике лежит вещь, сильно действующая в нашем мире, лежит половина нас самих, а иногда и все мы. Это сердце женское («Московский наблюдатель», 1835, часть I, стр. 122)^[16].

Кто не согласится, что это открытие очень оригинально?.. Второе открытие, уже чисто литературное, еще оригинальнее. Разбирая стихотворения г. Бенедиктова, г. Шевырева, с свойственной критическою проницательностью, заметил, что в русской поэзии, до появления г. Бенедиктова, не было мысли, – заметьте: не было мысли в поэзии, которой представителями были Державин, Фонвизин, Крылов, Жуковский, Батюшков, Пушкин и Грибоедов, – а, по мнению г. Шевырева, ее представителями были еще и гг. Языков, Хомяков и *tutti quanti*...^[17] Вот его собственные слова:

Это была эпоха изящного материализма в поэзии... Слух наш дрожал от какой-то роскоши раздражительных звуков... упивался ими, скользил по ним, иногда не вслушиваясь в них... Воображение наслаждалось картинами, но более чувственными... Иногда только внутреннее чувство, чувство сердечное и особенно чувство грусти неземной, веяло чем-то духовным в нашей поэзии... Но материализм торжествовал над всем... Формы убивали дух... Нежные, сладкие, упоительные звуки оплетали нас своею невидимою сетью...⁴

Итак, в этой поэзии недоставало мысли: г. Бенедиктов – первый поэт, в поэзии которого нет материальности – одна духовность, то есть проникновение мыслию, и потому г. Шевырев, в восторге от своего открытия, воскликнул:

Вот почему с особенною радостью встречаю я такого поэта, в первых прелюдиях которого доносится мне сквозь материальные звуки эта глубокая, тайная, прожитая дума, одна возможная спасительница нашей поэзии!⁵

³ все прочие (*ит.*). – *Ред.*

⁴ «Московский наблюдатель», 1835, № 11, стр. 442.

⁵ *Ibid.*, стр. 443.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«История древней русской словесности» (Киев, 1839) М. А. Максимовича – первая попытка создать историю древнего периода русской литературы; изложение доведено до конца XII в.; продолжения издания не было.

2.

«Чтения» С. П. Шевырева под общим названием «Введение в историю русской словесности» печатались в «Москвитянине» за 1844 г. В основе их лежали лекции, читанные в Московском университете. Эти чтения касались преимущественно памятников церковной литературы. Полный курс Шевырева издан позднее («История русской словесности, преимущественно древней», в 2-х частях. СПб., 1846).

3.

Речь идет о собственном замысле Белинского. См. о нем – в примеч. к статье <Общее значение слова литература> в т. 6 наст. изд.

4.

Ср. иное суждение Белинского о том, кто был «первым критиком в русской литературе», в статье второй «Речь о критике. А. Никитенко» (наст. изд., т. 5, с. 91). Там речь идет о Сумарокове.

5.

Статья Н. М. Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях» – «Вестник Европы», 1803, ч. IX; «Пантеон российских авторов» – книга (М., 1801), содержащая портреты ряда писателей – древнерусских и XVIII в. – с краткими сведениями о них, составленными Карамзиным. О Карамзине-критике см. также в третьей статье о Пушкине – наст. изд., т. 6, с. 216.

6.

Критика «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова и статья о сочинениях И. И. Дмитриева были помещены П. И. Макаровым в ч. IV «Московского Меркурия». О Макарове как писателе и критике см. также в первой и третьей статье о Пушкине – наст. изд., т. 6, с. 101 и 216.

7.

Статьи В. А. Жуковского «Басни Ивана Крылова» («Вестник Европы», 1809, ч. XLV) и «Критический разбор Кантемировых сатир с предварительным рассуждением о сатире вообще» (там же, 1810, ч. XLIX–L).

8.

См.: «Письмо к И. М. Муравьеву-Апостолу о сочинениях М. Н. Муравьева» («Сын отечества», 1814, № 16); «Ариост и Тасс» («Вестник Европы», 1816, № 6); «Петрарка» (там же, 1816, № 7). Характеристика статей Батюшкова содержится и в третьей статье о Пушкине – наст. изд., т. 6, с. 200–204.

9.

Статья П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях Озерова» появилась как вступительная ко 2-му изданию «Сочинений В. А. Озерова» (в 2-х частях, СПб., 1817).

10.

Имеются в виду статьи А. Ф. Мерзлякова «Сумароков» («Вестник Европы», 1817, ч. ХСIII–ХСIV) и «Россияда», поэма эпическая г-на Хераскова» («Амфион», 1815, № 1–3, 5–6 и 8–9), см. также его «Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии» («Труды Общества любителей российской словесности», 1812, ч. I). О Мерзлякове как эстетике и критике см. также в третьей статье о Пушкине (наст. изд., т. 6, с. 215–216).

11.

Первыми критическими обозрениями были статьи А. А. Бестужева в альманахе «Полярная звезда» за 1823–1825 гг.: «Взгляд на старую и новую словесность в России», «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» и «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года».

12.

См. подробно о позициях так называемой «романтической критики» (Н. А. Полевой) в статье «Русская литература в 1844 году», с. 167–177. А. Марлинский поместил в «Московском телеграфе» (1833, № 15–18) статью о «Клятве при гробе господнем» Н. Полевого.

13.

В 1820-х гг. Шевырев был близок к московским «любомудрам», испытал влияние философии Шеллинга, участвовал в издании «Московского вестника»; один из переводчиков книги В. Г. Ваккенродера «Об искусстве и художниках» – программного документа немецкого романтизма (М., 1826). См. также примеч. к статье «Педант» (наст. изд., т. 4).

14.

Ср., например, цитату из предисловия Шевырева к его переводу песни седьмой «Освобожденного Иерусалима» Тассо, приводимую и иронически комментируемую Белинским в статье 1836 г. «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» – наст. изд., т. 1, с. 280–281.

15.

Стихотворение Шевырева «Чтение Данта» напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1831 год. Цитируемый здесь стих был часто предметом насмешек в критике. См. еще у Белинского в статье «Стихотворения Полежаева» (наст. изд., т. 5, с. 13) и в рецензии на книжку В. Строева «Париж в 1838 и 1839 годах» (наст. изд., т. 4); позднее – см. в «Очерках гоголевского периода русской литературы». – Чернышевский, т. III, с. 112.

16.

См. о разборе повестей Павлова Шевыревым в статьях «О русской повести и повестях г. Гоголя» и «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» – наст. изд., т. 1, с. 158 и 267–270.

17.

Об этом говорилось в статье Шевырева о стихотворениях Бенедиктова («Московский наблюдатель», 1835, август, кн. 1), откуда и приводятся две следующие ниже цитаты. Разбор этой статьи см. в статье Белинского «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя».